

Иван Державин

СТОРОЖ И ХОЗЯИН

Антиподы

Иван Державин

Сторож и хозяин. Антиподы

«Издательские решения»

Державин И.

Сторож и хозяин. Антиподы / И. Державин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836793-9

Повесть «Сторож и хозяин» является послесловием хроники «В круге втором». В образе сторожа Макарыча показан автор хроники. Имея сорокалетний стаж беззаветного служения Родине, он вынужден под конец жизни подрабатывать за крохи сторожем. Он и хозяин фирмы, отсидевший десять лет в советское время за темные махинации, заставляют себя мирно сосуществовать. Хозяин показывает Макарыча гостям как экспонат проклятой эпохи, а тому опыт общения с новыми хозяевами жизни полезен для творчества.

ISBN 978-5-44-836793-9

© Державин И.
© Издательские решения

Содержание

Сторож и хозяин	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Сторож и хозяин
Антиподы
Иван Васильевич Державин**

© Иван Васильевич Державин, 2017

ISBN 978-5-4483-6793-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сторож и хозяин Повесть

Послесловие хроники постсоветских времен «В круге втором»

Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей.
Н. А. Некрасов

Старики с черными сумками встречались Макарычу на каждом шагу. Иногда он обменивался с ними взглядом, но редко, так как он и они обычно были погружены в себя. В основном это были пожилые люди, нередко даже старше его. Каким-то чутьем он научился определять, кем они были раньше, и в этом ему помогали их сумки. У бывших интеллигентов они были похожими на его сумку с несколькими карманами с молниями спереди и сзади, чтобы можно было положить не только еду, но и духовную пищу в виде книги, журнала и газеты. По качеству сумки и соответственно их дороговизне он судил о получаемой ее хозяином зарплате, но это необязательно, так как сумку могли подарить. Свою он, к примеру, нашел на помойке. Она висела на двери и показалась ему совсем новой. Он осмотрел ее и увидел, что у нее была сломана молния, починить которую для него не было проблемой. Кстати, на помойке он не раз находил книги, которые когда-то так и не смог купить. А сейчас их выбрасывают, как хлам, заменяя, видно, порнофильмами. Он брал книги с помоек, нисколько не стесняясь. Взял и сумку, оказавшуюся дороже его, по оценке жены, раза в четыре. Она тоже спокойно отнеслась насчет помойки. Такую сумку при их нынешних доходах она бы ему точно не купила. До этого у него была сумка тоже с молниями, которую уже через год он начал чинить. Особенно часто рвались места соединения ремня и ручки с сумкой. Эта же висела на металлических зацепках, а толстая пластиковая ручка так и облегалась ладонью, к тому же вращалась. Короче, недаром говорят, чем мех дороже, тем он лучше.

Этот владелец черной сумки вдруг сам с ним заговорил. Они оказались рядом перед светофором. Старик, на полголовы выше Макарыча, коснулся его плеча локтем и, указав глазами поочередно на его и свою сумки, спросил, обнажив в улыбке две прорехи в верхних зубах:

- Махнем, не глядя? У меня там сегодня кусок торта.
- Нашел дурака. В моей пирожки с мясом, которыми жена меня не каждый год балует.
- Тогда, конечно. Ты чье богатство стережешь?
- Еврея одного.
- Не обижает? Сколько отваливает?
- Три двести.

Старик присвистнул:

– А говорят, евреи жадные. Четырнадцать тысяч – совсем неплохо. У меня в два раза меньше.

– Какие четырнадцать? Три двести в месяц, не в неделю.

– В месяц? – возмутился старик. – Что это ты так низко себя ценишь? Кем ты был в той жизни?

В той жизни, повторил мысленно Макарыч. Точнее не скажешь. Вся его жизнь поделилась на ту и эту, вернее, закончилась с приходом этой.

– Пошли, зеленый, – подтолкнул его в спину, не дождавшись ответа, старик. – Я, к примеру, служил в военно-воздушных войсках. Представляешь, как бы я жил с пенсией подполков...

Он вдруг ухватил Макарыча за воротник куртки и отшвырнул назад. Падая на кого-то, Макарыч услышал промчавшийся мимо вой сирены. Саму машину он не увидел, а успел заметить важно шедшую следом пузатую с молча мигавшим фонарем на крыше.

Ему и женщине, которую он свалил, помогли подняться. Подполковник бил рукой по карману сзади и гневно сокрушался:

– Эх, нет пушки. Я бы их, гадов. – Он нацелил вслед машинам палец.

Мужской голос предостерег:

– Ты, дед, с этим поосторожнее. Один такой же храбрый наставил на них палец и не досчитался последних зубов и нескольких ребер. Они это не любят.

– Они не это, а народ не любят, – поправила женщина, отряхивая себя, а заодно и куртку Макарыча.

– Не-е, эти выявляться не будут. Побоятся огласки. Говорят, тут поблизости живет не то Грызлов, не то Миронов.

– Жириновский тут рядом. Это я точно знаю.

– Ну, этот бы не побоялся. Ему огласка – слаще мёда.

Но тут на них стали напоздать с двух сторон машины. Подполковник сцепился с предостерегшим его мужчиной, доказывая, что у него не дрогнула бы рука. Макарыч не стал его дожидаться и, чтобы не опоздать на день рождения хозяина, поспешил дальше, думая о том, что сам вряд ли стал бы пускаться в них пулю. Не дай бог, еще попал бы в кого, и пришлось бы помирать в тюрьме. Галина это не перенесла бы. А уж если стрелять в кого, то не в этих сошек, а в предателя Горбачева и подонка Ельцина за то, что они сотворили с его великой страной. И хотя он, дожив до семидесяти семи, ни в кого даже ни разу не целился, этих двоих он бы прикончил, не побоясь никаких тюрем, а посчитал бы за великую честь кончить за это свою жизнь на нарах.

А этим троим, упомянутым у светофора, если бы представился случай, он лишь высказал бы все, что думает о них и о власти, которую они представляют. Он стал перечислять свои к ней претензии, но быстро прервал себя, так как решил, что говорить с ними о ней было бы пустой тратой времени – они же призваны защищать ее своими законами. Ну, кто из них, к примеру, согласился бы с его главным категорическим требованием пересмотра итогов бандажной приватизации? Макарыч считал решение этого вопроса ключевым для дальнейшей судьбы России. Народ никогда не простит его ограбление и всегда будет ненавидеть всех богатей, а вместе с ними и охранявшую их власть.

Обо всех политиках Макарыч судил по тому, как они относились к этому его требованию. Он живо представил, как эта троица набросилась бы не него: «Опять „Грабь награбленное?“ Это уже проходили! Это дестабилизирует общество!» Они даже слушать не хотели его возражение, что речь идет не о грабеже награбленного, а о возврате народу подаренного ему богом природных богатств и построенных его потом и кровью фабрик и заводов. Тогда почему эти трое так рьяно защищают своими законами право абрамовичат и дериспаскачат владеть богатством своих отцов?

Вот тут Макарыч, к слову, поинтересовался бы у Миронова, куда он засунул свой социализм, который обещал начать строить в России, если его партия пройдет в Думу. Она прошла, во многом благодаря тому, что народ поверил его обещаниям, как это сделал сам Макарыч, а вместо социализма Миронов вместе с Грызловым, с которым на смерть грызся во время выборов, предложил избрать Президентом России самого, что ни на есть, прозападного либерала и ярого апологета капитализма Медведева.

До базара с Грызловым и Жириновским Макарыч не опустился бы, но, если бы они его довели, обязательно припомнил бы первому его ляп о том, что Госдума – не место для политических дискуссий, а второму – как долго он крутил всем яйца насчет папы-юриста, все-таки

оказавшегося, евреем, в чем, кстати, никто не сомневался. Представив, как завизжал бы, брызгая слюной, Жириновский, Макарыч довольно ухмыльнулся. Но тут он вспомнил вопрос, кем был в той жизни, и опять похмурил.

– Человеком был, – проговорил он сердито вслух. Можно сказать, государственным. А это... – Он стыдливо умолк, увидев вынырнувшего из-за спины парня, который на него удивленно обернулся.

А это, продолжил он мысленно, имеет совсем другой оттенок предназначения человека на земле. Не то, что сейчас. В его время это имело большое значение. Он и государство тогда были одно целое, а вернее, он считал себя важным органом государства, от которого зависело благосостояние всей страны. А от государства, в свою очередь, полностью зависели жизнь и благополучие самого Макарыча. При родной советской власти он в его годы, если бы и работал, то по своей специальности, а если бы находился на пенсии, то по своей доброй воле, чтобы, как тогда говорили, заслуженно отдохнуть. Его тогдашних ста тридцати двух пенсионных рублей и ста двадцати жены хватало бы им не только на харчи, но и на подарки внукам. А сейчас, если бы не эти три двести, они могли и не выжить. Эх, выцарапать бы ему у еврея еще тыщонки две, а как? Тот же за них удавится. А уйти от него Макарычу было некуда. Кто его возьмет? Как увидят его морщины и седые волосы, только что не говорят с усмешкой: «Ты же, дед, вот-вот рассыплешься».

– Рассыплешься, – рассердился опять вслух Макарыч и настороженно скосил глаза в сторону.

Пропустив девушку в обтянутых джинсах, он задержал взгляд на ее круглой попе и усмехнулся, довольный тем, что все еще поглядывал на тех, кто по красоте приближался к его Галине в молодости. А так как таких, чтобы были ей равны во всем, он не встречал, то и не много их у него было после женитьбы. И те в основном по пьянке.

Встретивший Макарыча дневной охранник Витя предупредил, чтобы он не вздумал откататься сесть за стол.

– Наумыч в гневе страшен. Зачем тебе это? Он там такой стол закатил. Тяпнешь грамм сто под икорку и потом смотри себе телевизор.

– Сколько ему стукнуло?

– Пятьдесят пять.

Макарыч пошел и не пожалел. Он увидел, как ведут себя новые хозяева в новой для него жизни.

Стол и в самом деле впечатлял. Длиной метров двадцать, он был плотно уставлен снедью, от которой Макарыч успел отвыкнуть.

Все уже сидели на своих местах и ожидали, когда хозяин закончит разговор по мобильному телефону и даст команду приступать к празднеству. Макарычу досталось последнее место рядом с Витей и напротив уборщицы – узбечки Шахи.

Наконец хозяин закрыл крышку телефона и крикнул:

– Сторож пришел? Ага, вижу. Мы вас ждали, Василий Макарович. Дверь не забыли за собой закрыть?

Витя ухватил засопевшего Макарыча за рукав и крикнул:

– Закрыли, Михаил Наумович! – А Макарычу прошептал. – Не обращай внимания. Это ему надо показать власть над тобой.

Макарыч краем глаза увидел, как хозяин что-то говорил сидевшим напротив, указывая на него.

– Успокоился? – продолжал шептать Витя. – Накладывай еду, на вот тебе бутерброд с икрой. Что будешь пить?

Макарыч указал на водку. Витя наполнил его рюмку, а Шаха подала полную тарелку.

- Ешь, это самый здесь вкусный еда.
- Он хотел налить ей вина, но она замахала головой.
- Не, не, я не пью.
- И ни разу не пробовала?
- Ни разу.

А за столом уже начали восхвалять хозяина: и какой он умный и замечательный во всех отношениях как человек и как реуководитель, лучше не придумать, и какой он добрый и чуткий к сотрудникам, и огромное ему спасибо за то, что он обеспечил столько людей работой, и какой он бескорыстный и щедрый, подтверждением чего является этот стол.

Выпив две стопки и хорошо закусив, Макарыч вернулся на свое рабочее место за столом сбоку от входной двери и напротив кабинета хозяина.

Шаха догнала его и прошептала:

– Они врут про него. Он такой жадный. За каждую копейку руки дрожат.

Он улыбнулся ей. В чем, в чем, а в жадности хозяину не откажешь.

Поэтому так удивил Макарыча богатый стол. Видно, какой-то смысл в этом был.

Эту работу ему порекомендовал сосед. Они знали друг друга со дня заселения кооперативного дома в начале семидесятых. У соседа долгое время был желтый «Москвич», который сменила синяя «Нива». Макарыча сосед наверняка помнил по двум поочередно «Волгам». Их машины до сих пор иногда стояли рядом у дома, помогая друг другу сносить насмешки блестящих иномарок. Макарыч и сосед всегда здоровались, но никогда не разговаривали и не знали друг друга по имени. Лишь пять лет назад их свели их собаки: крохотный чихуа-хуа Макарыча Филька влюбился в огромную немецкую овчарку соседа. Она тоже была не безразлична к нему, судя по вилянию хвоста. Посмеявшись, глядя на них, разговорились и хозяева. Коснулись размера пенсий. Сосед очень удивился, услышав, что у Макарыча она была меньше, чем у него.

– Вы вроде бы были не рабочим, как я, а на высокой должности, и пенсия у вас должна быть больше, – рассудил он трезво.

– Своей самой высокой должностью я считаю работу формовщиком в конце войны. Я до сих пор помню сладкий запах формовочной смеси.

– Сколько же вам было лет?

– Четырнадцать. А помощнику сварщика Павлику было еще меньше. Запомнился мне как жуткий матершинник. Защитную маску не признавал, поэтому глаза все время были красные и слезились. Мы его предупреждали: «Ты же ослепнешь». Он отмахивался: «А, хуйня. Глаз – не пизда, проморгает». Частушек знал несметное множество. Пять из них я помню до сих пор. Самая приличная из них: «Подружка моя, я тебе советую: если целка велика, залепи газетою».

– Так у вас как ветерана труда во время войны должна быть повышенная пенсия, – сказал сосед.

– Когда у меня дело дошло до пенсии, от завода уже ничего не осталось. В девяностые его оккупировали фирмы. После немецкой бомбы он быстро возродился, а в мирное время бесславно погиб от демократии.

– С моим заводом, на котором я проработал сорок пять лет, произошло тоже самое. Сейчас на его территории пятьдесят три торговые фирмы и ни одной производственной. Директор одной из фирм работал когда-то у меня подручным и из жалости взял меня к себе сторожем.

Макарыч, сам не зная, почему, вдруг пожаловался, что не может устроиться на работу.

– Так вы же с вашими запросами не пойдете, как я, сторожем.

– Еще как пойду. Запросы у меня сейчас такие же, как у всех стариков: выжить. Пытался я устроиться и сторожем – не взяли, как только слышали, сколько мне лет. Правда, года три

назад в бюро занятости, внимательно просмотрев мою трудовую книжку, предложили место разнорабочего за триста восемьдесят рублей, да жена не пустила.

– И правильно сделали. Это они в издѣвку над вами. Я в то время уже около двух тысяч получал, а сейчас – пять. Думаю и вам должны дать не намного меньше на одной фирме, где мне дня три назад предлагали работу сторожем. Она не на территории нашего завода, а где-то в центре. Мне нет смысла уходить с насиженного места, а вас могу порекомендовать. Условия такие же, как у меня: через два дня на третий с шести вечера до девяти утра в будни и сутки в выходные. Если согласны, я сегодня же позвоню знакомому, а тот – хозяину фирмы. Вас как зовут? Столько лет знаем друг друга, а незнакомы. Я – Николай Петрович.

Макарыч тоже представился и дал свой номер телефона.

Уже через день он сидел перед кадровиком, мужчиной лет сорока пяти с моложавым лицом, не пострадавшим от набегов умных мыслей. Услышав, что Макарыч ни сторожем и ни охранником не работал, кадровик изобразил раздумье и поинтересовался в надежде найти хоть какую-то зацепку.

– А вообще-то вы кто по специальности? – И нахмурил жидкие брови, видя, что Макарыч замялся. – Вы кем работали?

Не дожидаясь ответа Макарыча, кадровик взял со стола его трудовую книжку и, пролистав, развел руками, подтвердив догадку Макарыча насчет ума:

– К профессии сторожа все ваши высокие должности, к сожалению, не имеют никакого отношения.

– Ну, почему же? – возразил, цепляясь за соломинку, Макарыч. – Работая за границей, я охранял и защищал интересы государства. Смею вас заверить, это было не менее сложно, чем охранять здесь офис.

– Э, не скажите. – На этот раз кадровик заглянул в паспорт Макарыча, очевидно, на год рождения, постучал им по столу и вдруг смилостивился. – Ладно, рискнем вас взять.

Возвращая паспорт, он вдруг улыбнулся, и лицо его преобразилось, подобно унылому пейзажу под лучами солнца.

Тебе, дружок, нужно чаще улыбаться, чтобы скрывать твою тупость, чуть не посоветовал ему Макарыч.

К счастью, даром телепатии, кадровик не обладал, и начал называть ставки за одно дежурство тоном, словно не сомневался, что Макарыч тут же встанет и уйдет. Но тот стал переводить в уме услышанные цифры в месячную зарплату, чтобы сравнить с соседскими пятью тысячами, у него получалось то меньше, то больше.

Тут в кабинет заглянула плешивая голова пожилого еврея и, бросив на Макарыча любопытный взгляд, кивком вызвала кадровика.

У Макарыча между тем окончательно суммировался оклад в две тысячи рублей с копейками, здорово его разочаровав. Но где-то, рассудил он, платят и меньше, к примеру, консьержкам. И условия у них хуже, а здесь сиди и смотри телевизор. Пока не найдут третьего, на нос будет выходить по три тысячи. Галина этим деньгам очень даже обрадуется. И дочери он поможет с оплатой за учебу детей, по тысяче будет давать в месяц.

Он решил не ерепениться и согласиться. До дачи поработает, а там видно будет.

И тут его ожидал сюрприз. Кадровик вернулся с улыбкой до ушей и радостно сообщил, что оклад у него будет не тот, что он назвал, а на целых тридцать рублей за смену больше. Догадавшись, что заглядывал сам хозяин, Макарыч увязал это с тем, что произвел на хозяина неизгладимое впечатление, было у него когда-то и такое. Но первое впечатление, видно, сразу или постепенно испортилось, потому что затем ни о каком повышении хозяин не помышлял

и даже не хотел слушать. Заставил его сделать это третий сторож, которого искали два года. Им оказался хромой пенсионер из Подмосковья, категорически заявивший хозяину при приеме: «Так дело не пойдет! В Москве минимальный оклад уже четыре девятьсот». До этой суммы хозяин, конечно, оклад не увеличил, но на сорок процентов его приподнял. Хромой же через восемь месяцев ушел, получив, к удивлению Макарыча и сменщика Славика, отпускные, о чем они даже не заикались. Затем тоже стали их получать.

Для них так и осталось загадкой, как удалось хромому заставить хозяина пойти на уступки. Тот ведь мог просто не взять его на работу, но взял. Мог не заплатить не только отпускные, но и оклад за последние дни. Зарплату он выдавал в первых числах следующего месяца и имел привычку при увольнении не выплачивать заработанное с первого числа до ухода. Поэтому все старались увольняться сразу после получения зарплаты.

Славик объяснял уступки хозяина хромому тем, что тот тоже мог сидеть в советское время. О тюремном прошлом хозяина Макарыч знал от Вити, а за что – от Славика: подпольное производство презервативов с усиками и резиновых женщин, тогда большой редкостью. Этот товар стал одной из его основных товарных номенклатур после освобождения из тюрьмы демократами. В офисе был отдельный салон с этим импортными изделиями.

Еще одному повышению и последнему два года назад помог случай.

В обязанности сторожа входили уборка территории и вывоз мусора, главным образом из бесплатной столовой, которая, кстати, на сторожей не была рассчитана, и поэтому еду они приносили из дома. Плата за уборку и вывоз мусора входила отдельной статьёй в оклад сторожа и оценивалась хозяином в сто рублей в месяц или по десять рублей в смену. Уборка территории – ладно, куда ни шло: помахал метлой, вроде как размялся. Правда, зимой, на разминку уборка снега и колка льда мало походили, но это еще было терпимо. А вот вывоз мусора в любую погоду был, мягко говоря, делом пренеприятным. Мусор вывозили на обломках детской коляски в контейнер на километровое расстояние. Хозяин экономил на мусорных мешках, и уборщица использовала тонкие, как презерватив, прозрачные пакеты, которые рвались от тряски, и мусор приходилось подбирать с тротуара.

А случай оказался вот какой. Возле контейнера дорогу Макарычу преградил огромный мужик азиатской внешности и грубо поинтересовался, чей мусор. Догадываясь, что дело пахнет неприятностью для фирмы, Макарыч пролепетал в ответ невразумительное. Мужик на ломаном русском языке поставил его в известность, что пользование контейнером обходится в три с половиной тысячи рублей в месяц и приказал везти мусор обратно. Уговаривать его было бесполезно, и пришлось Макарычу плестись к другому контейнеру, но уже больше километра.

Выслушав сердитого Макарыча, Славик, сказал, что такие случаи с ним бывали, и поэтому он возит мусор по ночам, как посоветовал хозяин. А Макарыч, не зная об этом, возил вечером после ухода последнего работника из офиса.

Тут-то он и надумал, как заставить хозяина раскошелиться.

Он предложил Славике как главному сторожу поставить хозяина перед выбором: либо оплачивать им половину стоимости за пользование контейнером, то есть полторы тысячи, и добавить каждому еще по двести рублей за вывоз мусора и уборку территории, либо они откажутся от выполнения этих работ. Кроме того, Макарыч настаивал на увеличении оклада до минимального размера по Москве, превышавшего их оклад больше, чем в два раза. Но боявшийся хозяина пуще смерти Славик наотрез отказался говорить с ним насчет оклада. Мало того, Макарычу пришлось даже уговаривать его присоединиться к требованию по контейнеру.

Сам он разговор с хозяином взял на себя с удовольствием. Начал его со встречи с мужиком, приврав для красного словца, что тот пообещал набить ему в следующий раз морду.

Не дав хозяину возразить про вывоз мусора ночью, он довел до его сведения установленный по Москве минимальный размер оплаты труда и зачитал по бумажке требования. Даже не взглянув на протянутую ему бумажку, зато наградив Макарыча злобным взглядом, хозяин прорычал:

– Я буду говорить с Вячеславом.

Взгляд Макарыча был не менее выразителен.

Разумеется, этот жмот, тративший на празднование своего дня рождения десятки тысяч долларов, добавил им к полутора тысячам рублей за контейнер (тут он был Макарычем нокаутирован) лишь триста рублей на троих за мусор и уборку. О повышении оклада речь у них даже не шла, и таким образом на одного сторожа прибавка составила всего лишь шестьсот рублей или килограмм колбасы, от которой не воротил нос Филька.

И все же какая-никакая, а это была победа Макарыча над хозяином, которая внесла ясность в их отношения: оба, мягко говоря, не любили друг друга, но старались это не показывать. Труднее давалось это Макарычу, не умевшему скрывать свои чувства, как ни учила его Галина.

– У тебя все на лице написано, – сердилась она. – Ты же был дипломатом. На переговорах ты был сама любезность. И с ним веди себя также. Ты должен понять, что сегодня ты никто, нищий пенсионер. Каким бы говном ни был твой еврей, а кормит он тебя, а не ты его.

– Это еще вопрос, кто кого кормит.

– Эту свою марксистско-ленинскую теорию ты можешь мусолить в своих писюльках, а не со мной. Деньги на хлеб дает он тебе, а не ты ему. Я даже не хочу представлять, что будет с нами, если у него терпение лопнет, и он тебя выгонит.

– А я что? Я ничего, – оправдывался он. – У нас нормальные отношения. Мы с ним воркуем о футболе, как два голубка.

Она улыбнулась. Он прочитал ее мысли: «Это ты-то голубок?»

– И не только о футболе. И о политике тоже. Он во всем со мной согласен.

На этот раз она не улыбнулась, а бросила сердито:

– Ну и дурак.

– Он? – попробовал отшутиться Макарыч.

– Он-то не дурак. Он с тобой соглашается, чтобы получше раскусить тебя и узнать, что думают русские о нынешней власти и евреях. Дурак ты, что все ему выкладываешь. Еще один повод от тебя избавиться.

– Нас избавит друг от друга только форс-мажор в стране или смерть одного из нас.

Она очень не любила, когда Макарыч упоминал о смерти. Он приготовился проглотить еще одного дурака, но она промолчала.

А застолье, между тем, приблизилось к своему пику, когда зазвучала музыка, начались танцы, и к выходу потянулись курильщики. Открывая им дверь, вышел и Макарыч стрелкнуть сигарету. Курил он в основном после выпивки, а случалась она в последние годы крайне редко.

Сигаретой его угостил личный водитель хозяина Толя. Он не пил, так как должен был развозить гостей.

– А последним хозяина?

– Нет. Его Кристина уведет домой.

Кристина была самая красивая женщина на фирме, зам и любовница хозяина.

– К нему или к себе?

– Думаю, куда-нибудь еще. Дома у него жена, а у нее дочь. Вы ее видели, ей одиннадцать, все понимает.

Макарыч никогда не видел хозяина вместе с женой, похожей на полевую мышь. Раз в год летом около месяца она руководила фирмой, когда хозяин с Кристиной уезжал в командировку в Турцию. На работу она ходила в одном и том же сером костюме, черных тупоносых ботинках и вязаной шапочке с козырьком. За месяц хозяйка изводила Макарыча приказами никогда и никому не открывать дверь.

– Слышите? Никому и никогда!

– Ну, а... – пытался вначале он возразить.

– Никому! Я вам приказываю! – Её голос срывался на крик.

– Хорошо, хорошо, никому и никогда.

Славик, которому она говорила то же самое, пояснил это так:

– Они живут у нас в вечном страхе. Они всего боятся.

Раз в год видел Макарыч и мужа Кристины, огромного с атлетической фигурой негра. Хозяин на десять месяцев отправлял его в Китай своим представителем. Тот приезжал домой на два месяца в ноябре, а хозяин с хозяйкой уезжал в Штаты, гражданами которых они являлись и где проживал их сын с семьей. В январе хозяин возвращался один и отправлял негра в Китай. Все у него было продумано и расписано, как по нотам.

Со слов все знавшего Вити, негр был бестолковым и все деньги тратил в Китае на пиво и баб. Семью содержала Кристина. Сколько она получала от хозяина, никто не знал, но немало, если за время работы с ним переехала из однокомнатной квартиры в четырехкомнатную и заимела иномарку.

– Вчера я помог ей выбрать джип «Лексус» офигительного цвета, – словно прочитал мысли Макарыча Толя. – Оплатил Наумыч. Я поинтересовался украдкой ценой. Сказали больше двух миллионов. Я таких денег за всю оставшуюся жизнь не заработаю. Но меня больше всего поражает другое. Вы бы видели, как при встрече жена хозяина обнимается с Кристиной, а негр – с хозяином. Как лучшие друзья.

Нечто подобное Макарыч наблюдал за границей и сказал:

– Нам, Толя, это не понять. Ими правят деньги, они и мораль – несовместимы.

Докурив сигарету, Макарыч вернулся к себе. К нему подошел чем-то взволнованный Витя. На вопрос, что случилось, Витя выругался:

– Наумыч нажрался, как свинья. Девки лапает. А они, как сучки, таят, надеются, палку кинет и поднимет зарплату, как Кристине после пятидесятилетнего юбилея. А она на них злится.

– Тебе-то что?

– Мне-то ничего, смотреть противно. Не столько на него, сколько на них. Во, смотри, идет.

Хозяин в расстегнутой и вылезшей из-под брюк рубашке шел, держа за талию Марину, новенькую работницу лет тридцати с идеальной фигурой. На ее приятном лице застыла улыбка с гримасой отвращения.

Пьяный хозяин был страшен до уродства: выпиравшие вперед, почти касавшиеся носа, челюсти, вылупленные красные глаза, взлохмаченные жидкие седые волосы, свисавший над ремнем волосатый живот, – Квазимодо был красивее.

У двери Марина вынырнула из объятий, повела всем гибким телом, словно стряхнула с себя пыль, и пошла назад, едва не налетев на Кристину. Та подошла к стоявшему в открытой двери хозяину и втолкнула его внутрь кабинета. Глядя на закрытую за ними дверь, Витя проговорил:

– Я не могу представить ее в постели с этим уродом. Его же, кроме подмахивания, еще и целовать, наверное, надо. От него же вырвать может. Да и разве сравнить его как мужика с негром? Не зря она за того вышла, когда он был бедным студентом.

– Она и с этим не зря возится. Толя мне сказал, он ей вчера джип подарил.

– Да слышал я, как она по телефону хвалилась. Вот бы мне кто машину подарил.

– Найди себе старую уродку миллионершу, целуй ее, и она тебе такой же джип подарит.

Не отказался бы?

– Я бы, может, после литра и не отказался, а если Любка узнает? Она меня сразу выгонит. Нет, я лучше на своей колымаге ее возить буду. Знаешь, она у меня, какая? Попробовал бы ее Наумыч полапать. Она бы ему враз по морде надавала. Но и Маринка молодец. Наконец-то хоть одна нашлась, отказала. Думаю, завтра ей уже нет смысла выходить на работу. А у нее ребенок больной.

– Вряд ли он ее уволит. Она же ему не дала по морде.

– Не он, так Кристина ее выживет.

Макарыч хотел возразить, что Кристина – порядочная женщина, но подумал, что это слово тут не совсем подходило. Но она и в самом деле была очень приятная не только внешностью, но и всем своим поведением: трудолюбивая, всегда вежливая, спокойная, с мягкой детской улыбкой. А после того, как он перевел ей инструкцию массажера с немецкого, и она выпытала, какими языками он владел, то прямо-таки стала таять перед ним. Был бы он помоложе, мог бы подумать, что она хочет его, и вряд ли отказался бы. В этом смысле Галина ей уступала: никогда не давала повода для подобных мыслей. Расхожее нынче в России слово «сексуальная» ей никак не подошло бы. Именно о таких Есенин написал: «Мне бы только смотреть на тебя, видеть глаз злато-карий омут». Макарыч сам долгое время не смел дотрагиваться до нее, не говоря уже про грешные мысли. Его друг по институту Женька, который был у них на свадьбе, как-то спросил про нее: «Она все также пронзительно красива?»

Минут через двадцать Кристина вывела приведенного в порядок хозяина и вскоре увела его совсем. Вслед за ними дружно потянулись к выходу и другие.

Когда остались одни любители пения под караоке, Макарыч, чтобы скоротать время, стал помогать Шахе убирать со стола. Ей тридцать два года, у нее шикарная толстая коса. В Узбекистане у нее остались четверо детей на попечении матери. Муж три года назад бесследно исчез в Москве. Не дождавшись его, когда жить стало совсем не на что, она сама приехала в Москву на заработки и с надеждой узнать хоть что-нибудь о муже. Разыскала его знакомых. От них узнала, что муж и еще двое нашли денежную работу и в первый же день исчезли, оставив лишь номер мобильного телефона работодателя. Как сказала милиция, телефон с таким номером был украден у пожилой женщины. Скорее всего, мужа обманули и держали как раба.

– В Узбекистане совсем нет работы? – поинтересовался Макарыч.

Он был с иностранной делегацией в Самарканде и Бухаре. То, что он там видел и слышал, не сравнить с любой заграницей. Запомнились ему и люди: добродушные и, во всяком случае, не бедные.

– Нет никакой, – пожаловалась Шаха. – В Советском Союзе у нас все работали. Мама работала в детском саду воспитателем. Я тоже хотела там работать и поступила в училище. Но детский сад и училище закрыли. А папа работал инженером на заводе. Завод тоже закрыли. Папа не нашел работу и умер от горя. Зачем вы, русские, отказались от Советского Союза?

– Это не мы, русские, – оправдывался Макарыч. – Это сделали предатели нашего народа. Мы, русские, потеряли не меньше, чем вы. Не знаю, знаешь ты или нет, что с каждым годом нас становится на один миллион меньше.

– Да, да, – кивала горестно Шаха, думая о своем, и вдруг выдала. – Это неправильно, когда он один богаче всех вместе, кто здесь был.

Макарыч лишь развел руками, такая, мол, теперь у нас страна. Но вспомнив вычитанные вчера данные официальной статистики, о том, что один процент населения в России владеет половиной общего богатства страны, сказал:

– По сравнению с другими богачами наш хозяин – мелкая сошка. У нас есть индивидуумы, богатство которых превосходит состояние граждан целых районов и даже областей.

Но она продолжала о чем-то думать, скорее всего, как прокормить своих детей и мать.

Он несколько не преувеличивал, говоря жене о ворковании с хозяином. У них действительно были нормальные отношения, хотя могли быть хуже, учитывая разницу в их статусе: сторож и хозяин. Они могли говорить о чем угодно на равных, пока не затрагивался хозяйский интерес, тем более денежный. Как-то зимой, к примеру, когда перед дверью образовалась ледяная дорожка, хозяин поскользнулся на ней и набил на голове шишку. Макарыч ему искренне посочувствовал и намекнул насчет покупки песка с реагентом. Хозяин долго жевал губы, а затем велел Макарычу попросить песок у таджиков и, если не дадут, набрать его тайком ночью. Макарыч ответил, что воровать не будет, а попросить не против, если хозяин разрешит впускать таджиков в офис греться. Хозяин наградил сторожа недобрый взглядом и молча ушел.

А еще однажды, ему вдруг взбренило, что Макарыч с ним не здоровается. Тот даже не нашел, что сказать, так как всегда здоровался, с кем встречался взглядом, и хозяин в этом смысле не был исключением. Другое дело, что он не ловил взгляда хозяина, как другие. Но с этим он уже ничего не мог поделать. Может, в тот раз или в другой у хозяина вырвалось: «Вы ведете себя так, словно хозяин здесь вы, а не я».

Вот, пожалуй, и все прегрешения Макарыча перед хозяином за пять лет, о которых так переживала Галина. Их могло быть намного больше, учитывая, что хозяин с самого начала проявлял повышенный интерес к Макарычу, вызванный его прошлым. Наверняка от кадровика он знал, что тот когда-то был замом министра и торговым советником и имел несколько высших образований, а Кристина могла рассказать про его иностранные языки. Проходя мимо его стола, он имел привычку любопытствовать, чем тот занят. Ладно бы, останавливался у телевизора или заглядывал в газету, так, нет, он мылился сунуть свой горбатый нос в лежавший перед Макарычем лист бумаги, пытаясь прочесть, что там написано. То, что там не был донос в налоговую инспекцию на его фирму, он сразу выяснил у Славика. Тут он, впрочем, рисковал, не догадываясь, что Макарыч хорошо знал финансовое и бухгалтерское дело. Он сразу раскусил все махинации хозяина: и прием на работу без заключения трудового договора и записи в трудовой книжке, и выдачу зарплаты даже не конвертах, а просто из кармана, и подтасовка финансовых документов с выбросом оригиналов в мусор, даже не порвав их. Некоторые из них Макарыч, кстати, использовал на черновики. Сам хозяин на фирме не числился, ее генеральным директором был тот самый кадровик с туповатым лицом. О том, что за подписи всех документов кадровик мог получить приличный срок, он либо не догадывался по глупости, либо согласился это делать осознанно за деньги. Макарыч не думал, что они были большие.

Но больше всего Макарыч был поражен наглостью хозяина, когда однажды, месяца чрез три после поступления на работу, вошел в офис и не узнал его. Две трети помещения бесследно исчезли за не весть, откуда появившейся капитальной стеной. Остались лишь два из семи кабинетов: хозяина и Кристины с тремя работницами, столовая и ... непонятно, для каких в таком случае целей уголок дежурного охранника. У Вити Макарыч узнал, что ожидался приезд ревизора. Макарыч полагал, что оборот фирмы, отражаемый в бухучете, составлял лишь треть, если не пятую часть ее дохода. Макарыч сам работал на фирме нелегально, имея от этого экономию от неуплаты подоходного налога и сохранение ветеранских льгот. Конечно, если бы он получал солидную пенсию, сопоставимую с советской, или хорошую зарплату у хозяина, он ни

за что бы не пошел на нарушение закона. А тут другого выбора у него просто не было. Надо было и самому с Галиной выжить, а еще помочь вдове дочери вывести в люди двоих детей.

Возможно, первое время хозяина и смущала писанина Макарыча, но он, видно, быстро сообразил, что горбится у него Макарыч в таком возрасте не из-за сбора материала для книги, а по большой нужде. Однажды он даже участливо посоветовал: «А вы бы прямо сразу печатали на машинке», на что Макарыч, сделав умное лицо, ответил: «Я так привык». Хорошо еще, что хозяин не попросил его почитать что-нибудь из напечатанного им ранее. Не стал бы ведь тот показывать ему свои несколько статей в газетах патриотического толка, в которых хозяин нашел бы немало мыслей против таких, как он, нынешних хозяев России. Тем более не мог дать Макарыч почитать хозяину то, что писал сейчас.

Интерес хозяина к Макарычу возрос еще больше после того, как среди сотрудников фирмы распространился слух, что тот работал за границей разведчиком и сейчас пишет мемуары. Макарыч увязал это с пропавшим у него листом, где он как раз описывал подрывную деятельность в КПСС ее главного идеолога при Горбачеве Александра Яковлева. Он был уверен, что этот Иуда был завербован ЦРУ еще во время учебы в Колумбийском университете, а будучи послом в Канаде, где, кстати, Макарыч работал в одно с ним время, продолжил активно сотрудничать с американцами.

А возможно, Славик, имевший смутное представление, о чем писал Макарыч, дал волю фантазии. Так или иначе, но хозяин поверил слухам о работе Макарыча внешним разведчиком и сделал из него своего рода достопримечательность фирмы для знакомых и клиентов: вот, мол, кто на меня, сидевшего при коммуниках, работает сторожем. Это, видно, производило впечатление на гостей таких же, как он сам, если как-то один из них, очень похожий на хозяина, только на голову выше и лет на десять моложе, задержался перед уходом возле Макарыча и, уставившись на него, как на выставочный экспонат, хмуро поинтересовался:

– Коммунист?

Помня наказ Галины, Макарыч вежливо ответил:

– Само собой. Ленинец.

Хам нацелил на Макарыча указательный палец, цокнул и зашагал, широко расставляя ноги в остроносых лакированных ботинках пятидесятого размера, к поджидавшему его у двери и все слышавшему хозяину. А может, и спросил по его указке.

Закрывая за ними дверь, Макарыч вспомнил, как вот такие проходимцы лезли из кожи вон, чтобы вступить в партию, и сейчас похвалил себя: «Правильно делал, что противился их приему». Но они все равно пролезали, как тараканы, и, в конце концов, превратили партию в бардак. А когда ее запретил оборотень Ельцин, публично сжигали свои партбилеты. Макарыч его сохранил как память о несбывшейся мечте. Нынешних некоммунистов он считал приспособленцами и не имел с ними ничего общего, хотя и голосовал за них.

Не врал Макарыч, говоря жене и о единодушии с хозяином при обсуждении многих вопросов. Кривил душой хозяин или нет, но он во всем соглашался с Макарычем

Увидел он, к примеру, что Макарыч смотрел футбольный матч, поинтересовался, за кого он болеет, и, услышав ответ, радостно сообщил, что тоже является поклонником ЦСКА. В завязавшемся разговоре они осудили нынешнюю коммерциализацию футбола, при которой игроки играли не за команду, а за деньги. И выигрывали не тренеры, а деньги хозяев клубов. Вот и бегали игроки из одной команды в другую, кто больше даст, играя на нервах болельщиков. Хозяин был согласен с Макарычем, что за ту или иную команду болеют из-за любимых игроков, а не наоборот. Макарыч, к примеру, в детстве, после прочтения книжки про Спартак, решил болеть за одноименную команду, а из-за Федотова и Боброва прилип к тогдашнему

ЦСКА и не мог представить, чтобы кто-нибудь из них перешел в стан их вечных соперников: в «Динамо» или «Спартак». А болельщики «Торпедо» не допускали мысли, чтобы Эдуард Стрельцов вдруг стал играть за другую команду.

Хозяину, как и Макарычу, не нравилось, что больше половины игроков наших команд составляли иностранцы. Ну, одного-двух для сравнения и перенятия опыта купить можно, но не столько же! Стал как-то ЦСКА обладателем Кубка Европы при восьми легионерах из одиннадцати игроков команды, невольно возникает вопрос, кто победил на самом деле: Россия или эти самые чужаки?

Если с беганием игроков в условиях власти наживы ничего не поделаешь, то в замене наших игроков легионерами Макарыч и хозяин видели один вред. Зачем тренеру, тем более иностранному, шлифовать местного футболиста, если легче купить звезду за границей? В доказательство Макарыч привел хозяину полную аналогию с промтоварами: зачем развивать свое производство товаров, если выгоднее их импортировать? Даже в этом вопросе хозяин, гражданин другого государства и занимавшийся продажей исключительно импортной продукции, был одного мнения с Макарычем. На самом деле, возможно, и не был, но скрывал, чтобы казаться своим.

Макарыча поражало, что хозяин соглашался с ним даже, казалось бы, во взглядах, которые у них должны были быть прямо противоположными. Он имел привычку задерживаться у телевизора во время передачи сводки криминальных новостей и комментировать с ужасом на лице: «Что творится, что творится!». Помня предупреждение Галины, Макарыч помалкивал, но на пятый раз не выдержал и заметил с усмешкой:

– Вот и к нам пришел капитализм с властью денег, наживы и безнравственности.

Хозяин прожевал услышанное и вдруг заметил:

– Да, в наше время такого безобразия не было.

И ушел, горестно качая головой и оставив Макарыча в недоумении: называть то время нашим наравне с ним хозяину, мягко говоря, было не совсем верно. Хотя, если отбросить его тюремное прошлое и голодные военные и послевоенные годы Макарыча, то у них действительно было много общего в советское время: и обласканное государством детство с пионерскими лагерями и многочисленными бесплатными кружками творчества, а затем беззаботная взрослая жизнь без ОПГ и МММ, без киллеров и олигархов, без рекетиров и рейдеров, без коррупции и лоббизма, без исчезновения людей и вымирания народа, без проституток и беспризорников, без детской порнографии и продажи детей за границу. Случались убийства и раньше, но раз в год, а не каждый день, как сейчас, причем такие, которые тогда невозможно было представить: чтобы внук убил бабушку из-за пенсии, и мать закопала в снег грудное дитя, а отец выбросил ребенка в окно, так как тот мешал ему смотреть футбол по телевизору.

Были, разумеется, всегда в России грабители и воры, но их добычей не были целые заводы и отрасли считавшегося народным хозяйства. Обман и мошенничество тоже были, но на работу устраивались, зная, что зарплату выплатят обязательно, квартиры покупали без риска их не получить, деньги в банк клали, не боясь их потерять, еду покупали, не боясь отравиться, лекарства пили с уверенностью, что от них вылечишься, а не умрешь, на курорт ездили, зная, что тебя там ждут. Не было понятий фальшивых паспортов, дипломов, правительственных наград, да и поддельных денег тоже. Люди верили друг другу. Над железными дверями смеялись, так как они были ни к чему. А главное, они не опасались за свою жизнь.

Все перечисленные выше и многие другие мерзости, которые можно пополнять до бесконечности, подарили России новоявленные капитализм, демократия и либеральные ценности, без устали восхваляемые на телевидении и в прессе. С еще большей неутомимостью там обливали помоями жизнь при социализме. Но для Макарыча и миллионов людей социализм был и остался олицетворением общества всеобщего благоденствия, равенства и братства, когда

человек человеку был друг и товарищ, иными словами, была полная противоположность тому, с чем он столкнулся в новой России.

Возможно, хозяин подумал об этом, но сказать Макарычу не решился. Он всегда уходил от серьезного разговора, когда не соглашался с Макарычем. Создавалось впечатление, что главным для него было услышать то или иное мнение Макарыча, о чем и предупреждала его умная Галина. Эта догадка промелькнула у Макарыча во время его первого разговора с хозяином, состоявшимся на второе или третье его дежурство. По телевизору показывали Америку. Вышедший из кабинета хозяин постоял перед экраном и вдруг поинтересовался у Макарыча:

- Вы были в Америке?
- Работал там три года.
- В какие годы?
- В начале восьмидесятых.
- Как она вам? Не было желания там остаться? Только честно.

Этот вопрос Макарычу задавали везде, где он работал. Самый его вежливый ответ в русском переводе был: «Лучше Родины нет места на земле», а в Америке он не скрывал свои чувства: «Лучше смерть, чем остаться здесь». Хозяин теперь был гражданином Америки, разговор с Галиной состоялся позже, и Макарыч ответил с упоминанием смерти. Он ожидал, что хозяин спросит, почему, и тогда бы он рассказал, что думает о Штатах. По его глубокому убеждению, не Советский Союз был «империей зла», как его обозвал неудавшийся киноактер Рейган, но устроивший американцев в роли президента, а сама Америка. Это самая хищная и враждебная страна на земле. Она преступна с зарождения, возникнув на крови индейцев, населена перебежчиками, отщепенцами и предателями других стран, живет за счет грабежа всего мира как прямым военным закабалением, так и при помощи доллара. Она первая применила атомное оружие для уничтожения людей. Она силой внедряет удобную ей демократию в странах с негодными ей режимами. Она, не задумываясь, также сбросила бы водородную бомбу на города СССР, да вот беда, у того она тоже была. Поняв, что военным путем победить эту великую страну ей не удастся, она пошла другим, объявив ей послевоенную экономическую блокаду и бросив все силы «на оболванивание и одурачивание советских людей», как сказано в Плане Даллеса, разработанным еще до окончания второй мировой войны. Уже в одном этом заключалась подлость, так как Америка была нашим союзником. В этом плане настолько все цинично и изуверски, что передать его человеческими словами просто невозможно. К примеру: «Посеяв хаос в сознании людей, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим в них поверить... Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного и необратимого угасания его сознания. Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность... Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства... культ секса, насилия, садизма, предательства – словом всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Как мы это сделаем? Мы найдем своих единомышленников в самой России». И надо честно признаться, нашли и до сих пор находят таких людей в верхушке руководства России.

Умный хозяин все понял и побоялся услышать это от Макарыча, а в дальнейшем стал осторожней в своих вопросах и никогда не вступал в спор с ним.

Лишь однажды, когда Макарыч нелестно отозвался о Путине, он возразил, как бы извиняясь:

- Но согласитесь, что в сравнении с другими он намного лучше.
- Смотря с кем его сравнивать. Если с Ельциным, то вы, пожалуй, правы.

Если бы хозяин поинтересовался, чем же Путин так не угодил Макарычу, тот опять мог бы прочитать целую лекцию о том, что должен был сделать Путин, став президентом, но сделал в точности наоборот, затолкав Россию еще глубже в болото капитализма, и при нем

пропасть между богатыми и бедными лишь увеличилась. Но хозяин опять увильнул от разговора.

Уходя от серьезного разговора о нынешней жизни, он продолжал почти каждый вечер интересоваться мнением Макарыча. Обычно разговор начинал он сам, чаще всего с вопроса: «Послушайте, а что вы думаете о ...?» или «Послушайте, а вы читали...?» Иногда он сам предлагал Макарычу прочитать статью в «Коммерсанте», чтобы затем услышать его мнение.

Так прошли еще два года. Макарыч и хозяин, хорошо осознавая лежавшую между ними глубокую идеологическую и социальную пропасть, но нуждаясь каждый по – своему друг в друге, продолжали мирно сосуществовать. Несмотря на то, что цены в стране после последнего вынужденного повышения хозяином зарплаты значительно выросли, и была увеличена средняя зарплата по стране и в Москве, в том числе дневному охраннику фирмы, работавшему от ЧОПа, хозяин по-прежнему не допускал даже мысль о повышении оклада сторожам, имея в виду Макарыча и Славика. У Макарыча, между тем, финансовое положение резко ухудшилось в связи с участившимися болезнями его и Галины и соответственно возросшей нужде в лекарствах. Дочерины дети перешли на новую ступень учебы: внучка поступила в институт, а внук перешел в лицей при институте, чтобы поступить в него с гарантией. Соответственно возросла и плата за учебу, и без помощи деда внуки не смогли бы учиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.